

АЛЯ НАРЕЛИНА

Родилась в 1993 году в Неме-
ровской области, окончила
филологический факультет
НемГУ, живет в Красно-
даре. Работала секретарем
в издательстве, телеведущей.
Лауреат всероссийских
фестивалей имени А. Бельма-
сова (2014), «Мцыри» (2016).
Награждена медалью имени
М.Ю. Лермонтова (2016).
Победитель литературного
конкурса в рамках Сибир-
ского фестиваля искусств
«Тарская крепость» (2020).
Публиковалась в «Литера-
турной газете», журналах
«Новая Юность», «Prosodia»,
«Знамя».

*Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).*

* * *

Возможно, в следующий раз тебе повезет –
сам Царь Кору съест тебя, как заморский деликатес.
В ямку, что под тобой останется, новая гусеница заползет.
Еще ни одна гусеница не выразила свой протест.
Это так скучно, я б зевнула во весь свой клюв.
Дядя, не гусеницу, а радужного жука принеси!
Пополам его, как драгоценный камушек, расколю,
буду в сережках носить.

ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ

Провела целый день, разгуливая по дереву,
насекомым взглядом осваивая ландшафт –
от горбатого корня до абрикоса спелого,
застревала в росе, забывала порой дышать.

Не в одну взгляделась рану и червоточину,
сколько дивной метаморфозы сокрыто в них.
Где с утра был саван, к обеду парча барочная,
а хитин, угодивший в камедь, почти финифть.

На высокой ветке в царственной кататонии
птица-туча нахохлила перистые бока.
Крах! Ужалила ветку ржавую клювом-молнией
и оставила только слово от червяка.

Тут я – вздрогнула – и по коре покатилась кубарем,
перламутровый панцирь от передрыги спас.
На другое дерево, персиковое, взберусь скорей,
обещаю себе на этот раз не упасть.

МОЛОКО И ХЛЕБ

Дед с костыликом, навеселе,
хрипло подначивает: «Не едет автобус, мальчик?»
Объявление: «Магазин “Молоко и хлеб”
для обогрева [в морозы] не предназначен».

Лишних денег на булочку нет.
Хоть бы богатый прохожий выронил сотку.
Собака облизывает красный снег.
От мысли, что это такое, становится жутко.

Страшно трясущимся телом войти в магазин,
девушку-продащицу напрасно тревожить.
Вдруг она рявкнет: «Хлеб остался черный один,
нет молока, только снег. Убирайся, противней не видела рожи».

Топ-топ ногами, снова топ-топ. Вконец напугал
дед с костыликом – а вдруг у него костылик
оттого, что однажды зимой задубела нога
у магазина на остановке, когда автобусы не ходили.

* * *

С той стороны промолчит, с другой стороны, ой, смотри!
Стекла заиндевеют, лампа перегорит,
балкон золой и снегом наполнится до краев,
ворон не своим голосом проорет –
прежде, чем
он с ней заговорит.

Но не зарница, не свет, не затмение, не гроза –
кошачий бархат – вот какие его глаза.
Она его не ждала, не ждала, хочет – сама придет,
когда петербургский гранит прорастет
маками –
на могиле плясать.

ДАРЫ

В июле гуляю по яблокам и улиткам.
Во время гниения, жирного урожая,
во время убытка,
в общем, во время подсчета
(не то чтобы это важно, но надо сказать о чем-то)
тебя и меня не суммировали, умножали.

Плоть дерева разрезает ужасный прочерк.
Год смерти – он и рождения, жалко, тот же.
Борис распугал всех птиц, хоронила молча.
Молитвой за некрещеного подытожив.

У Бори других даров на уме немало –
И жабка, и птенчик, и пирожок с капустой.
Мне жалко живое, я Борю не обнимаю.
И вздрагиваю от яблочного хруста.